

АЛЕКСАНДР БЕЛЯЕВ

♦ ГОЛОВА ПРОФЕССОРА ДОУЭЛЯ ♦

роман

Москва
Издательский Дом
Мещерякова
2019

Первая встреча

— Прошу садиться.

Мари Лоран опустилась в глубокое кожаное кресло.

Пока профессор Керн вскрывал конверт и читал письмо, она бегло осмотрела кабинет.

Какая мрачная комната! Но заниматься здесь хорошо: ничто не отвлекает внимания. Лампа с глухим абажуром освещает только письменный стол, заваленный книгами, рукописями, корректурными оттисками. Глаз едва различает солидную мебель чёрного дуба. Тёмные обои, тёмное драпри. В полумраке поблёскивает только золото тиснёных переплётов в тяжёлых шкафах. Длинный маятник старинных настенных часов движется размеренно и плавно.

Переведя взгляд на Керна, Лоран невольно улыбнулась: профессор целиком соответствовал стилю кабинета. Будто вырубленная из дуба, тяжело-весная, суровая фигура Керна казалась частью мебелировки. Большие очки в черепаховой оправе напоминали два циферблата часов. Как маятники, двигались его глаза серо-пепельного цвета, переходя со строки на строку письма. Прямоугольный нос, прямой разрез глаз, рта и квадратный, выдающийся вперёд подбородок придавали лицу вид стилизованной декоративной маски, вылепленной скульптором-кубистом.

«Камин украшать такой маской», — подумала Лоран.

— Коллега Сабатье говорил уже о вас. Да, мне нужна помощница. Вы медичка? Отлично. Сорок франков в день. Расчёт еженедельный. Завтрак, обед. Но я ставлю одно условие...

Побарабанив сухим пальцем по столу, профессор Керн задал неожиданный вопрос:

— Вы умеете молчать? Все женщины болтливы. Вы женщина — это плохо. Вы красивы — это ещё хуже.

— Но какое отношение...

— Самое близкое. Красивая женщина — женщина вдвойне. Значит, вдвойне обладает и женскими недостатками. У вас может быть муж, друг, жених. И тогда все тайны к чёрту.

— Но...

— Никаких «но»! Вы должны быть немы как рыба. Вы должны молчать обо всём, что увидите и услышите здесь. Принимаете это условие? Должен предупредить: неисполнение повлечёт за собой крайне неприятные для вас последствия. Крайне неприятные.

Лоран была смущена и заинтересована:

— Я согласна, если во всём этом нет...

— Преступления, хотите вы сказать? Можете быть совершенно спокойны. И вам не грозит никакая ответственность... Ваши нервы в порядке?

— Я здорова...

Профессор Керн кивнул головой.

— Алкоголиков, неврастеников, эпилептиков, сумасшедших не было в роду?

— Нет.

Керн ещё раз кивнул головой.

Его сухой, острый палец впился в кнопку электрического звонка.

Дверь бесшумно открылась.

В полумраке комнаты, как на проявляемой фотографической пластинке, Лоран увидала только белки глаз, затем постепенно проявились блики лоснящегося лица негра. Чёрные волосы и костюм сливались с тёмным драпри двери.

— Джон! Покажите мадемуазель Лоран лабораторию.

Негр кивнул головой, предлагая следовать за собой, и открыл вторую дверь.

Лоран вошла в совершенно тёмную комнату.

Щёлкнул выключатель, и яркий свет четырёх матовых полушарий залил комнату. Лоран невольно прикрыла глаза. После полумрака мрачного кабинета белизна стен ослепляла... Сверкали стёкла шкафов с блестящими хирургическими инструментами. Холодным светом горели сталь и алюминий незнакомых Лоран аппаратов. Тёплыми жёлтыми бликами ложился свет на медные полированные части. Трубы, змеевики, колбы, стеклянные цилиндры... Стекло, каучук, металл...

Посреди комнаты — большой прозекторский стол. Рядом со столом — стеклянный ящик; в нём пульсировало человеческое сердце. От сердца шли трубки к баллонам.

Лоран повернула голову в сторону и вдруг увидела нечто заставившее её вздрогнуть, как от электрического удара.

На неё смотрела человеческая голова — одна голова без туловища.

Она была прикреплена к квадратной стеклянной доске. Доску поддерживали четыре высокие блестящие металлические ножки. От перерезанных артерий и вен через отверстия в стекле шли, соединившись уже попарно, трубки к баллонам. Более толстая трубка выходила из горла и сообщалась с большим цилиндром. Цилиндр и баллоны были снабжены кранами, манометрами, термометрами и неизвестными Лоран приборами.

Голова внимательно и скорбно смотрела на Лоран, мигая веками. Не могло быть сомнения: голова жила, отделённая от тела, самостоятельной и сознательной жизнью.

Несмотря на потрясающее впечатление, Лоран не могла не заметить, что эта голова удивительно похожа на голову недавно умершего известного учёного-хирурга профессора Доуэля, прославившегося своими опытами оживления органов, вырезанных из свежего трупа. Лоран не раз была на его блестящих публичных лекциях, и ей хорошо запомнился этот высокий лоб, характерный профиль, волнистые, посеребрённые сединой густые русые волосы, голубые глаза... Да, это была голова профессора Доуэля. Только губы и нос его стали тоньше, виски и щёки втянулись, глаза глубже запали в орбиты и белая кожа приобрела жёлто-тёмный оттенок мумии. Но в глазах была жизнь, была мысль.

Лоран как зачарованная не могла оторвать взгляда от этих голубых глаз.

Голова беззвучно шевельнула губами.

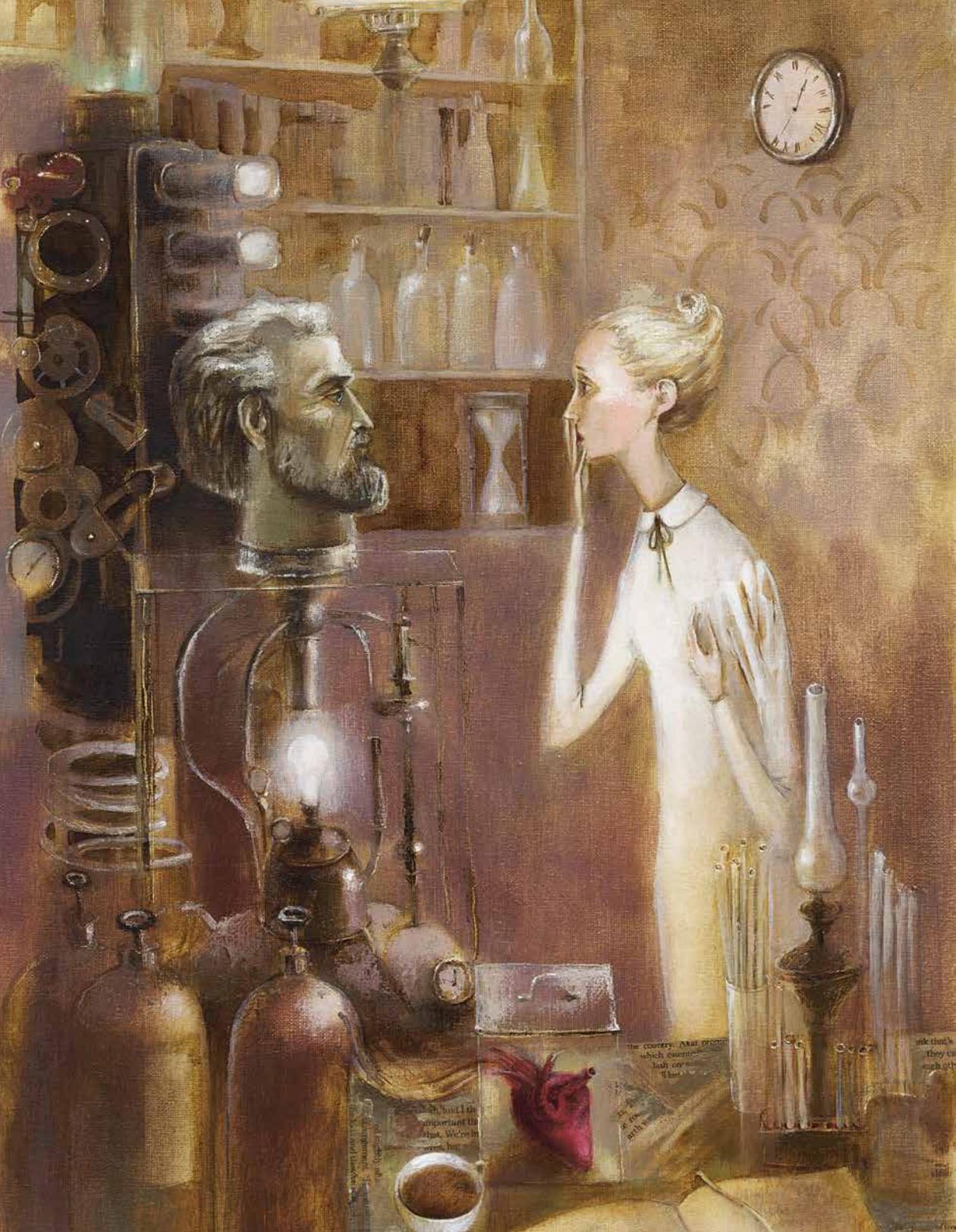
Это было слишком для нервов Лоран. Она была близка к обмороку. Негр поддержал её и вывел из лаборатории.

— Это ужасно, это ужасно... — повторяла Лоран, опустившись в кресло.

Профессор Керн молча барабанил пальцами по столу.

— Скажите, неужели это голова?..

— Профессора Доуэля? Да, это его голова. Голова Доуэля, моего умершего уважаемого коллеги, возвращённая мною к жизни. К сожалению, я мог воскресить одну голову. Не всё даётся сразу. Бедный Доуэль страдал неизлечимым пока недугом. Умирая, он завещал своё тело для научных опытов,

...and the
important the
that. We're in
... here.

the country. As a result
which causes
last con-
There is

ink that's
they've
such as

Старушку не удовлетворяли эти ответы. И она начала даже наводить справки стороной, но ей ничего не удалось узнать, кроме того, что уже было известно от дочери.

«Уж не влюблена ли она в Керна, и, быть может, безнадежно, без ответа с его стороны?..» — думала старушка. Но тут же опровергала себя: её дочь не скрыла бы от неё своего чувства. И потом, разве Мари не хорошенькая? А Керн холостяк. И если бы только Мари любила его, то, конечно, и Керн не устоял бы. Другой такой Мари не найти во всём свете. Нет, тут что-то другое. И старушка долго не могла заснуть, ворочаясь на высоко взбитых перинах.

Не спала и Мари. Погасив свет, чтобы мать её думала, что она уже спит, Мари сидела на кровати с широко раскрытыми глазами. Она вспоминала каждое слово головы и старалась вообразить себя на её месте: тихонько касалась языком своих губ, нёба, зубов и думала:

«Это всё, что может делать голова. Можно прикусить губы, кончик языка. Можно шевелить бровями. Ворочать глазами. Закрывать, открывать их. Рот и глаза. Больше ни одного движения. Нет, ещё можно немного шевелить кожей на лбу. И больше ничего...»

Мари закрывала и открывала глаза и делала гримасы. О, если бы в этот момент мать посмотрела на неё! Старушка решила бы, что её дочь сошла с ума.

Потом вдруг Мари начала хватать свои плечи, колени, руки, гладила себя по груди, запускала пальцы в густые волосы и шептала:

— Боже мой! Как я счастлива! Как много я имею! Какая я богатая! И я не знала, не чувствовала этого!

Усталость молодого тела брала своё. Глаза Мари невольно закрылись. И тогда она увидела голову Доуэля. Голова смотрела на неё внимательно и скорбно. Голова срывалась со своего столика и летала по воздуху. Мари бежала впереди головы. Керн, как коршун, бросался на голову. Извилистые коридоры... Тугие двери... Мари спешила открыть их, но двери не поддавались, и Керн нагонял голову, голова свистела, шипела уже возле уха... Мари чувствовала, что она задыхается. Сердце колотится в груди, его учащённые удары болезненно отзываются во всём теле. Холодная дрожь пробегает по спине... Она открывает всё новые и новые двери... О, какой ужас!..

— Мари! Мари! Что с тобой! Да проснись же, Мари! Ты стонешь...

Это уже не сон. Мать стоит у изголовья и с тревогой гладит её волосы.

— Ничего, мама. Я просто видела скверный сон.

Головы развлекаются

Головам Тома и Брике ещё труднее было привыкнуть к своему новому существованию, чем голове Доуэля. Его мозг занимался сейчас теми же научными работами, которые интересовали его и раньше. Тома и Брике были простые, и без тела жить им не было смысла. Немудрено, что они очень скоро затосковали.

— Разве это жизнь? — жаловался Тома. — Торчишь как пень. Все стены до дыр проглядел...

Угнетённое настроение «пленников науки», как шутя называл их Керн, очень озлобило его. Головы могли захиреть от тоски прежде, чем настанет день их демонстрации.

И профессор Керн всячески старался развлекать их.

Он достал киноаппарат, и Лоран с Джоном вечерами устраивали кинематографические сеансы. Экраном служила белая стена лаборатории.

Голове Тома особенно нравились комические картины с участием Чарли Чаплина и Монти Бэнкса. Глядя на их проделки, Тома забывал на время о своём убогом существовании. Из его горла даже вырывалось нечто похожее на смех, а на глаза навёртывались слёзы.

Но вот отпрыгал Бэнкс, и на белой стене комнаты появилось изображение фермы. Маленькая девочка кормит цыплят. Хохлатая курица хлопотливо угощает своих птенцов. На фоне коровника молодая здоровая женщина доит корову, отгоняя локтем телёнка, который тычет мордой в вымя. Пробежала лохматая собака, весело махая хвостом, и вслед за нею показался фермер. Он вёл на поводу лошадь.

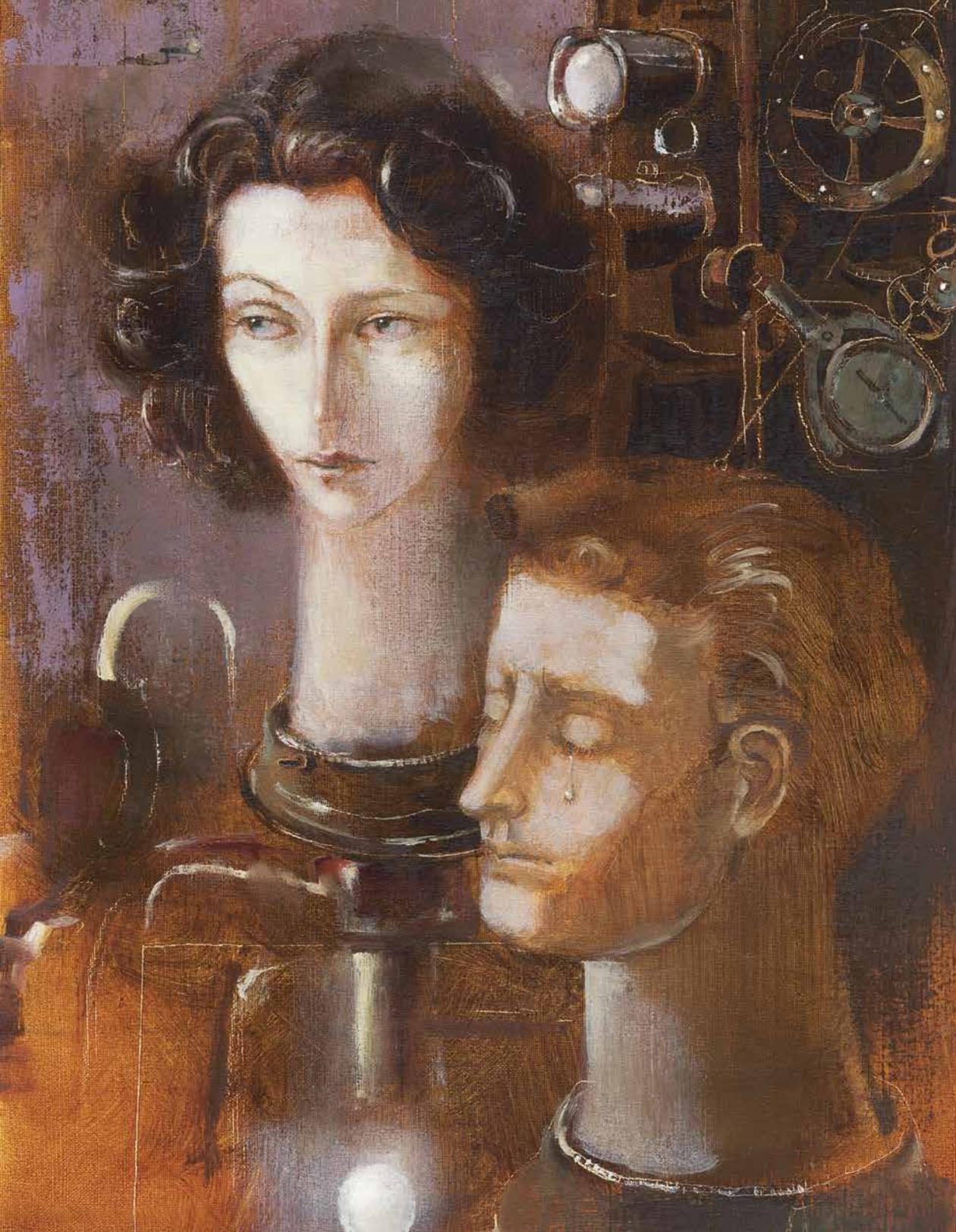
Тома как-то прохрипел необычайно высоким, фальшивым голосом и вдруг крикнул:

— Не надо! Не надо!..

Джон, хлопотавший около аппарата, не сразу понял, в чём дело.

— Прекратите демонстрацию! — крикнула Лоран и поспешила включить свет. Побледневшее изображение ещё мелькало некоторое время и наконец исчезло. Джон остановил работу проекционного аппарата.

Лоран посмотрела на Тома. На глазах его виднелись слёзы, но это уже не были слёзы смеха. Всё его пухлое лицо собралось в гримасу как у обиженного ребёнка, рот скривился.

Мысль о производстве смелой операции захватила Керна.

Керн усиленно работал, подготавливаясь к этой сложной операции. Он надолго запирался с головой профессора Доуэля и беседовал с ней. Без совета Доуэля Керн при всём желании обойтись не мог. Доуэль указывал ему на целый ряд затруднений, о которых Керн не подумал и которые могли повлиять на исход опыта, советовал проделать несколько предварительных опытов на животных и руководил этими опытами. И — такова была сила интеллекта Доуэля — он сам чрезвычайно заинтересовался предстоящим опытом. Голова Доуэля как будто даже посвежела. Мысль его работала с необычайной ясностью.

Керн был доволен и недоволен столь широкой помощью Доуэля. Чем дальше подвигалась работа, тем больше убеждался Керн, что без Доуэля он с нею не справился бы. И ему оставалось тешить своё самолюбие только тем, что осуществление этого нового опыта будет произведено им.

— Вы достойный преемник покойного профессора Доуэля, — как-то сказала ему голова Доуэля с едва заметной иронической улыбкой. — Ах, если бы я мог принять более активное участие в этой работе!

Это не было ни просьбой, ни намёком. Голова Доуэля слишком хорошо знала, что Керн не захочет, не решится дать ей новое тело.

Керн нахмурился, но сделал вид, что не слышал этого восклицания.

— Итак, опыты с животными увенчались успехом, — сказал он. — Я оперировал двух собак. Обезглавив их, пришил голову одной к туловищу другой. Обе здравствуют, швы на шее срастаются.

— Питание? — спросила голова.

— Пока ещё искусственное. Через рот даю только дезинфицирующий раствор с йодом. Но скоро перейду на нормальное питание.

Через несколько дней Керн объявил:

— Собаки питаются нормально. Перевязки сняты, и, я думаю, через день-два смогут бегать.

— Подождите с неделку, — посоветовала голова. — Молодые собаки делают резкие движения головой, и швы могут разойтись. Не форсируйте. («Успеете пожать лавры», — хотела добавить голова, но удержалась.) И ещё одно: держите собак в разных помещениях. Вдвоём они будут поднимать возню и могут повредить себе.

Наконец настал день, когда профессор Керн с торжественным видом ввёл в комнату головы Доуэля собаку с чёрной головой и белым туловищем.

— Нет, нет, — забыв весь свой страх, горячо заговорила Лоран, — уверяю вас, что голова профессора Доуэля совершенно лишена чувства мести. О, это благородная душа! Он даже... отговаривал меня. Он не то что вы, нельзя судить по себе! — уже с вызовом закончила она, сверкнув глазами.

Керн усмехнулся и вновь зашагал по кабинету.

— Так, так, отлично. Значит, у вас всё-таки были разоблачительные намерения, и если бы не голова Доуэля, то профессор Керн уже сидел бы в тюрьме. Если добродетель не может торжествовать, то по крайней мере порок должен быть наказан. Так оканчивались все добродетельные романы, которые вы читали, не правда ли, милая девочка?

— И порок будет наказан! — воскликнула она, уже почти теряя волю над своими чувствами.

— О да, конечно, там, на небесах. — Керн посмотрел на потолок, облицованный крупными шашками из чёрного дуба. — Но здесь, на земле, да будет вам известно, наивное создание, торжествует порок, и только порок! А добродетель... Добродетель стоит с протянутой рукой, вымаливая у порока гроши, или торчит вот там, — Керн указал в сторону комнаты, где находилась голова Доуэля, — как воронье пугало, размышляя о бренности всего земного.

И подойдя к Лоран вплотную, он, понизив голос, сказал:

— Вы знаете, что и вас и голову Доуэля я могу в буквальном смысле слова превратить в пепел и ни одна душа не узнает об этом.

— Я знаю, что вы готовы на всякое...

— Преступление? И очень хорошо, что вы знаете это.

Керн вновь зашагал по комнате и уже обычным голосом продолжал говорить, как бы рассуждая вслух:

— Однако что вы прикажете с вами делать, прекрасная мстительница? Вы, к сожалению, из той породы людей, которые не останавливаются ни перед чем и ради правды готовы принять мученический венец. Вы хрупкая, нервная, впечатлительная, но вас не запугаешь. Убить вас? Сегодня же, сейчас же? Мне удастся замести следы убийства, но всё же с этим придётся повозиться. А моё время дорого. Подкупить вас? Это труднее, чем запугать вас... Ну, говорите, что мне делать с вами?

— Оставьте всё так, как было... ведь я же не доносила на вас до сих пор.

— И не донесёте?

Лоран помедлила с ответом, потом ответила тихо, но твёрдо:

— Донесу.

осторожно, искусственное кровообращение головы должно продолжаться до последнего мгновения.

Лоран возилась с последними приготовлениями головы Брике. На лице Брике были написаны крайнее напряжение и волнение. Когда голова была перенесена на стол, Брике не выдержала и вдруг закричала так, как она ещё никогда не кричала:

— Не хочу! Не хочу! Не надо! Лучше убейте меня! Боюсь! А-а-а-а!..

Керн, не прерывая своей работы, резко крикнул Лоран:

— Закройте скорее воздушный кран! Введите в питательный раствор гедонал, и она уснёт.

— Нет, нет, нет!

Кран закрылся, голова замолчала, но продолжала шевелить губами и смотреть с выражением ужаса и мольбы.

— Господин профессор, можем ли мы производить операцию против её воли? — спросила Лоран.

— Сейчас не время заниматься этическими проблемами, — сухо ответил Керн. — Она потом сама нас благодарить будет. Делайте своё дело или уходите и не мешайте мне.

Но Лоран знала, что уйти она не может, — без её помощи исход операции оказался бы ещё более сомнительным. И она, пересилив себя, продолжала помогать Керну. Голова Брике так билась, что трубки едва не вышли из кровеносных сосудов. Джон пришёл на помощь и придерживал голову руками. Постепенно подёргивания головы прекратились, глаза закрылись: гедонал производил своё действие.

Профессор Керн приступил к операции.

Тишина прерывалась только короткими приказаниями Керна, требовавшего тот или иной хирургический инструмент. От напряжения у Керна даже вздулись жилы на лбу. Он пустил в ход всю свою блестящую хирургическую технику, соединяя быстроту с необычайной тщательностью и осторожностью. При всей своей ненависти к Керну Лоран не могла в эту минуту не восхищаться им. Он работал как вдохновенный артист. Его ловкие чувствительные пальцы совершали чудеса.

Операция продолжалась час пятьдесят пять минут.

— Кончено, — наконец сказал Керн, выпрямляясь, — отныне Брике перестала быть головой от тела. Остаётся только вдунуть ей жизнь: заставить забиться сердце, возбудить кровообращение. Но с этим я справлюсь один. Вы можете отдохнуть, мадемуазель Лоран.

